

2010-11-10 **Обманщики**

Многие опустили руки, не верят в пользу борьбы с обманщиками, ибо в их распоряжении почти все средства массовой информации.

До сих пор еще далеко не все у нас осознают, что власть крупной буржуазии и содержимого ею чиновничества утвердилась в стране путем хорошо где-то спланированных и умело организованных обманов коренного населения России. Вспомним покорявшие публику речи Горбачёва. Наш доверчивый к государственным лидерам народ не успел опомниться, как социалистическая вроде бы перестройка обернулась капиталистическими реформами. Вспомним экономические и социальные обещания ельцинского, а потом и путинского окружения. Теперь о радужных посулах разноликие познеры, сванидзе, карауловы не вспоминают. Все забыто! В моду пошли другие приманки-обманки: нацпроекты, модернизация, инновации, нанотехнологии. (На развалинах наук и производств? При финансировании по-кудрински?)

Приемы лжи о прошлом в последнее время несколько изменились. Завиральные цифры, выплеснутые на страну политическими извращенцами от Солженицына и Новодворской до Радзинского и Хакамады, уже не используются, поскольку трепотню о десятках миллионов репрессированных здравомыслящие люди не принимают всерьез. Как соврешь, если опубликованы действительные цифры архивов КГБ, МВД, Минюста и Генеральной прокуратуры об осужденных за период с 1921 по 1953 год? Теперь клевета на прошлое идет в основном по двум темам: «ужасы лагерей» и «массовые аресты». Эти темы прямо-таки выпирают из многих фильмов, радио- и телепередач, книг и статей. Благо ложь нынче оплачивается весьма щедро.

Нападки на Сталина начались с подачи Хрущёва в 1956 году. До этого я побыл школьником, фэзэушником, рабочим на заводе, курсантом военного училища, взводным в гвардейском мотострелковом полку, командиром отдельного спецподразделения, слушателем Военного Института иностранных языков. Отлично помню

духовно-нравственную атмосферу тех лет и настроения окружавших меня людей.

Об «ужасах лагерей». Конечно, жизнь заключенных и в то время была тяжелой. Кто с этим спорит? Мой одноклассник Владимир Н. к 1953 году отбыл два срока в колониях. Он подробно (особенно при встречах с застольем) рассказывал о лагерном быте. Слышал о муках в неволе и от других судимых разных возрастов. Но ни они, ни Владимир не говорили о таких беззакониях, безобразиях, унижениях, о которых рассказывают после освобождения нынешние «зэки». Да что говорить о теперешних следственных изоляторах и колониях, если и в отделениях милиции задержанных могут избить, отобрать у них ценности, потребовать взятку за освобождение!

Во время войны достраивалась железная дорога от Коноши к Котласу. Неподалеку от нашей станции размещалась колония. Видел, как заключенных водят на работу. Не изможденные доходяги из современных фильмов, а вполне здоровые и бодрые мужики. И конвоировали их не звероподобные истязатели, а добродушные пожилые солдаты, негодные для фронта по возрасту. Был такой эпизод. Мы шли вчетвером с корзинами набранной в лесу черники. От работавших на путях заключенных один подбежал к нам: «Не обижайтесь. Вы еще наберете, а нам в лес ходу нет». Отсыпал на робу из каждой корзины, и в первую очередь угостил двух смеявшихся конвоиров. Заключенные ели ягоды, кричали нам: «Спасибо, ребята!»

Кстати, о питании осужденных. Почему бы юристам не сравнить нормы питания в колониях 40-х годов и наших дней с нормами потребительской корзины для сегодняшнего вольного электората? Сравнить, учитывая, что при «тоталитаризме» обслуживающий персонал продукты с лагерных складов и кухонь не растаскивал – за это можно было самым угодить за колючую проволоку.

Видел эшелоны с увозимым к фронту пополнением из лагерей. На тормозных площадках теплушек стояли часовые с винтовками, но, когда эшелон стоял в ожидании встречного поезда, они не мешали полувольным «новобранцам» разбегаться по поселку. Те заходили в дома: «Тетя, дай перекусить домашнего, идем фашистов бить. Надоели сухие пайки». Словом, то, что я видел и слышал, никак не вяжется с печатными и эфирными поделками про «ужасы» ГУЛАГа.

О «массовых арестах» по политическим обвинениям. Знал о судимых за хулиганство, за воровство, за растрату, за спекуляцию, за халатность. Но ни в поселке, где жила наша

семья, ни при работе рядом с Котласом, ни в военном училище в Череповце, ни в офицерской среде в Архангельске и Москве не слышал никаких разговоров о чьем-либо родственнике, сослуживце, соседе по жилью, просто знакомом, осужденном во время войны и после войны «за политику». И мне говорят о массовых арестах при Сталине! В газетах периодически сообщалось о судах над выявленными предателями, карателями, полициями, украинскими и прибалтийскими бандитами, другими прислужниками фашистов. Что, и это припишем к массовым арестам?

На различных телепредставлениях часто присутствуют политические и общественные деятели, которые при обсуждении любой темы норовят вспомнить или раскулаченного прадеда, или судимого «не за что» деда, или родившуюся в ссылке бабушку. О родных, убитых на фронте и умерших от ран, замученных в плену, казненных и уморенных голодом на оккупированных территориях, угнанных на работы в Германию, участники дискуссии вспоминают реже. Такой подбор наследников поколений, которые строили социализм и защитили Родину от захватчиков, тоже подловатый, обманный прием – публике исподволь навязывается впечатление, будто народ страдал от «сталинской тирании» больше, чем от нашествия европейских поработителей. В связи с этим хочется спросить созданную при президенте и странную по составу комиссию для борьбы с фальсификациями истории: не по зачину ли московских антикоммунистов в освобожденных от фашизма Красной Армией европейских странах некоторые политики уравнивают гитлеровский нацизм со сталинским большевизмом?

Мои родители из многодетных семей. Поэтому у меня были 3 дяди и 6 тетя. Имею родного брата, двух сестер и 17 двоюродных братьев и сестер. Близки родители жены, ее четыре брата и сестра. Вместе с мужьями и женами родственников насчитывается 51 человек. Из них 22 были 1891–1912 годов рождения и 21 человек – 1914–1934 годов рождения (рожденных после 1934 года не считаю). Жили родственники в Архангельской и Вологодской областях, в Коми АССР, в Ленинграде, в Краснодарском крае, в Подмосковье, в Калининграде, в Белоруссии. Некоторые стали офицерами, учителями, техниками, другими специалистами, а большинство трудились рядовыми колхозниками, рабочими, служащими.

Муж сестры моего отца после раскулачивания в 1931 году был арестован. Оставленная на месте семья какое-то время получала его письма из заключения, потом связь прервалась. В чем его вина и куда он подевался, подробностей не знаю. Слышал, что причиной всему была его вражда с местной властью в их деревне. Замечу, что две его дочери выросли достойными людьми, получили образование, имели дружные семьи и жили не хуже других. Сын одной из них сейчас доктор наук.

Арестован, возможно, и по заслугам, один, а из 42-х, подходивших по возрасту к «массовым арестам», ни один нигде никогда не привлекался к уголовной ответственности ни по каким статьям. И не был наш род каким-то особенным, от НКВД заколдованным. Знаю многих ровесников, у которых в те времена не было в роду ни одного судимого. Если провести социологические опросы в разных регионах страны, будет видно, что стоны о «массовых репрессиях» – оголтелое вранье. Честные исследования открыли бы и молодежи искажаемую ныне картину правопорядка в 30–40-х годах.

Криминала тогда, особенно по тяжким преступлениям (убийства, разбои, изнасилования и др.), было несравнимо меньше, чем в современной России. Не знаю, были ли вообще судимые за взятки. Судили, по моим представлениям, больше всего за кражи государственной и колхозной собственности. Надуманны басни про «колоски» и «мотки проволоки», но за кражу барана, ведерка зерна с тока, изделий или запчастей из цеха могли лишиться свободы на немалый срок. И все равно к 1953 году заключенных во всем Советском Союзе было меньше, чем сейчас в одной России. Кто с этим не согласен, пусть опровергнет мое суждение архивными и нынешними цифрами.

Уголовщина начала постепенно шириться при хрущёвской «оттепели» после подмены в пропаганде социалистического принципа каждому по его труду установкой на личную материальную заинтересованность трудящихся. До 1985 года влияние этой установки еще сдерживалось сложившимися при Советской власти традициями и нравами. А при Горбачёве, Ельцине и Путине она приобрела открытую хапужно-потребительскую форму и давала свои тлетворные плоды с поощряемой властями быстротой. Вот почему сейчас и в порядочных семьях нередко появляются судимые – наркоманы, насильники, грабители, мошенники, воры, взяточники. Почти каждый чет-вертый мужчина в стране привлекался к суду. Через колонии проходит немало и женщин. Так, когда же было больше арестов: при власти коммунистов или при власти «демократов»?

⋮